УДК [811.161.1’276: 34]

ВИДЫ ВАРЬИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В СУДЕБНЫХ РЕЧАХ

Кэюнь Доу,
Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды,
ул. Блюхера, 2, г. Харьков, 61168, Украина,
E-mail: sanmao@rambler.ru

Варьирование юридической лексики исследуется в статье на материале субституции лексем со значением лица. Вслед за В. Г. Гаком и В. М. Лейчиком автор рассматривает три вида речевого варьирования (субституции) – морфологический, семантический и денотативный. В статье подробно описаны разновидности семантической субституции как основного вида варьирования юридической лексики.

Ключевые слова: *вариантность, субституция, юридическая лексика, судебные речи*

Проблема лексического варьирования в связных текстах рассматривается как проблем субституции – замещения слова другими лексическими или морфолого-лексическими единицами. Лексическое варьирование в сфере терминов существенно отличается от варьирования в области нетерминологической лексики. Этот вопрос рассматривается в работах многих ученых, например, в работах В. П. Даниленко, Е.С.Лихтенштейна, В. Г. Гака и В. М. Лейчика [3 - 5]. Но вопрос о варьировании юридических терминов до сих пор окончательно не исследован. Поэтому **цель** данной работы — анализ видов субституции юридической лексики в судебных речах. Задачи статьи следующие: подробное описание разновидностей семантической субституции в судебных речах; раскрытие особенностей субституции юридической лексики в судебных речах. **Объектом** исследования является юридическая лексика со значением лица. **Предметом** исследования является лексическое варьирование юридической лексики.

По мнению В. Г. Гака и В. М. Лейчика, субституция может быть морфологической, семантической и денотативной (ситуативной) [3, с. 47-57]. Такие же формы субституции могут быть выделены и в юридической лексике судебных речей.

Морфологическая субституция касается формы юридической лексики. Она может выражаться в изменении функционального класса обозначения (замена частей речи), например *обвинительная сторона → сторона обвинения*; в таких примерах происходит замена прилагательного существительным в косвенном падеже; в использовании полных и сокращенных номинаций, например *защита → сторона защиты* а также в различных видах компрессий (*ложный свидетель → лжесвидетель*). В проанализированных судебных речах морфологическая субституция представлена также такими примерами, как: *присяжные (или заседатели) → присяжные заседатели; оперативник → оперативный сотрудник → оперативный работник; обвинитель → государственный обвинитель* (в советский период).

Семантическая субституция основывается на определённом типе отношений между понятиями, обозначаемыми основным термином и его субститутом. В. Г. Гак в работе [2, с. 83-85] выделяет 5 отношений между понятиями в логике, а именно: отношение равнозначности, отношение включения, отношение пересечения, отношение контрадикторности и отношение исключения. Поскольку последние два типа отношений не играют значительной роли в формировании субститутов

юридической лексики в проанализированных материалах, будут рассматриваться главным образом, первые три типа отношений.

Первый тип отношений между понятиями – равнозначность, дает возможность использовать дублеты и эквиваленты, которые по правилам запрещено употреблять в рамках одной терминосистемы, тем более в области юридической терминологии. Субституты, основанные на равнозначности понятий, могут представлять собой либо нерекомендуемые термины (дублеты) и перифразы, либо относительные синонимы. В судебных речах в качестве субститута юридического термина может использоваться перифраза. При этом термин может быть полностью заменен перифрастической конструкцией. Приведём следующие примеры. 1. В качестве термина *подсудимый* в одной из судебных речей употребляется “ *человек, который попал на скамью подсудимых*”. 2. Вместо термина *подсудимый* — “*лицо, сидящее на скамье подсудимых*” (в постсоветский период). 3. Вместо термина *прокурор* употребляется “*лицо прокурорского надзора*”. В первом примере замена, возможно, произведена во избежание повтора термина в речах. Во втором примере с целью стилистической экспрессивности. Замена придаёт речи юриста большую выразительность. Синонимы, на основе которых происходит субституция, никогда не являются дублетами в судебных речах, поскольку объёмы их значений никогда полностью не совпадают как вне данного контекста, так и в тексте. Они могут заменять друг друга как лексические единицы со сходным значением, но всегда различаются одной или двумя семами. В судебных речах отношения синонимии основаны на семах, которые обозначают юридические роли или функции. На основе семы “осуществление одинаковой правовой функции в судопроизводстве” между номинативными единицами возникают семантические пересечения. Например, в синонимических рядах з*ащитник — адвокат* и *обвинитель — прокурор*, первое слово в каждом ряду выделено на основе выполнения названными лицами главных действий в судебном разбирательстве - “*защищать*” и “*обвинять*”; значение второго слова каждого ряда основано на виде профессиональной деятельности: *адвокат* – “лицо, оказывающее другим юридическую помощь, в том числе судебную защиту обвиняемого по уголовным делам”; *прокурор* – “должностное лицо, осуществляющее прокурорские надзоры, в том числе обвинение подсудимого по уголовным делам”. После проведения компонентного анализа видно, что предыдущие две пары терминов имеют общие семы: ‘*осуществлять правомерное действие’,‘ входящее в’* и ‘*судебное отношение’*. Эти семы в семантике слов, обозначающих лиц, которые участвуют в судебном процессе, стали интегральными, а остальные дифференциальные семы (‘*должностное лицо’, ‘профессиональное знание’* и т.д.). В этом случае относятся к периферии значения. В связи с этим синонимические отношения между терминами защитник — адвокат и обвинитель — прокурор является условным. Можно выделить еще несколько рядов таких условных синонимов в судебных речах. По лексической характеристике номинативных единиц синонимические отношения подразделяются на: 1) отношения между терминами, например, между терминами *защитник — адвокат* и *обвинитель — прокурор*; 2) отношения между термином и не термином, например, *потерпевший* и *жертва*; 3) отношения между словами, не являющимися терминами, например, *преступник, виновный* и *виновник*.

Второй тип отношений – включение, которое позволяет использовать термин более широкого объема для обозначения понятия, которое может быть обозначено и обозначается термином более узкого объёма. В качестве субститута часто применяется гипероним данного поля, субполя, макрополя, микрополя и более мелких совокупностей единиц. Например, *обвинитель* вместо *государственный обвинитель* в советский период. В этот период термин обвинитель является

гиперонимом по отношению к термину государственный обвинитель внутри семантической структуры миниполя «*обвинительная сторона*». Потому что в советский период понятие *обвинитель* уже начало конкретизироваться, включая в себя понятия *государственный обвинитель* и *частный обвинитель* [6, с. 8]. А в микрополе «*производитель неправомерного действия*» гипероним *преступник* в судебных речах дореволюционной России и советского периода иногда употребляется вместо термина "*исполнитель определённого преступного деяния*" - *грабитель, насильник, убийца* и т. д. Это типичное замещение представляет собой переход от термина с более узким значением к термину с более широким значением. Но, как писал Гак в своей работе, "Двучленный термин А+В в качестве субститута может иметь один из компонентов словосочетания А или В , который в морфологически измененной или прямой форме может выступать как семантический заместитель двучленного термина" [3, с. 50]. Им приведены еще два примера, «*комсомольская* (А) *правда* (В)» → «*комсомолка*» (А1); и «*придаточное* (А) *предложение* (В)»→ «*предложение*» (В1). Ученый отмечает, что "Если при морфологическом изменении (А1) создается новый вариант термина с тем же самым значением, то при отсутствии морфологического изменения (В1) происходит семантический сдвиг (сужение)" [3,с.50]. В проанализированных материалах судебных речей существует несколько таких семантических сдвигов, например, *состязательные стороны → стороны, защитительная сторона → защита, обвинительная сторона → обвинение*.

Сужение значения часто противоречит требованию стандартности термина и приводит к тому, что вне контекста такой термин перестает быть точным обозначением юридического понятия. По мере развития юридической лексики появляется еще один семантический сдвиг – конкретизация юридического понятия. К примеру, конкретизация проявляется в приведенных выше терминах из *обвинитель* и *государственный обвинитель*. По отношению к термину *государственный обвинитель* термин *обвинитель* в советский период является его гиперонимом. Термин *государственный обвинитель* как один из гипонимов входит в миниполе «обвинительная сторона». В судебных речах данного периода термин *обвинитель* в качестве субститута термина *государственный обвинитель* вне контекста представляется нам его формой перехода от узкого термина к широкому (см. Гак 50 с.). В постсоветский период слово *обвинитель* в большинстве случаев употребляется уже как общелитературное слово, а не как юридический термин, который зафиксирован в специальном словаре. Вместо него в юридическом словаре зафиксированы два более конкретных по значению термина: *государственный обвинитель* и *частный обвинитель* [1, с. 55-58]. В судебных речах этого периода редко встречается номинативная единица *обвинитель*, чаше встречаются *государственный обвинитель* и *частный обвинитель*, то есть, юридическое понятие "лицо, поддерживающее обвинение в суде по уголовному делу", конкретизируется, трансформируясь в понятие "лицо, поддерживающее государственное обвинение в суде " и "лицо, поддерживающее частное обвинение в суде" [см.1,с.55-58]. Если в речах и встречается слово *обвинитель* (чаще всего в современных судебных речах), то это, как правило, усеченная форма термина *государственный обвинитель* и это явление уже относится к морфологической субституции. В проанализированных судебных речах субституция юридической лексики, в которой реализуются отношения включения, представлена следующими парами : *суд→судья; защита→защитник; обвинение→обвинитель; следователь→ судебный следователь; обвиняемый→ подсудимый.*

Отношение пересечения лежит в основе различных метонимических и (реже) метафорических замен. Метонимия также свидетельствует об отношении

включения, как например, *суд → судья; защита → защитник; обвинение → обвинитель*. В этих рядах *суд, защита, обвинение* обозначают “либо лицо, которое занимается своими профессиональными действиями (защита, обвинение), либо лица по месту своей профессиональной деятельности (суд)”. Субституции подвергаются слова, служащие для обозначения местам, где лицо работает и обозначения лица; номинацией действий, которые осуществляет данное лицо и номинацией лица. Такая форма субституции в судебных речах является продуктивной, и присутствует в исследуемых материалах дореволюционного, советского и постсоветского периодов.

Денотативная субституция имеет место среди номинативных единиц, обозначающих понятия, которые соотносятся с одним и тем же объектом, с одним и тем же денотатом. Такие обозначения можно назвать разноаспектными, ибо они отражают различные аспекты одной и той же реальности. Например, в судебных речах адвокатов вместо юридического термина *обвиняемый* часто встречаются экономический термин *клиент* (*мой клиент*), не терминологическое слово *подзащитный* и термин *гражданских дел доверитель*. В контекстах слова *клиент, подзащитный* и *доверитель* обозначают лицо, которое находится на скамье подсудимых и доверяет ему (адвокату) свою судьбу, т. е. обвиняемого. Такая замена единиц вне связи с определенной конситуацией невозможна. Эти номинативные единицы парадигматически не являются равнозначными.

Таким образом, субституция юридической лексики может носить как языковой (парадигматический), так и текстовой (синтагматический) характер. В синтагматике все три типа субституции выступают как контекстуальные субституты.

ВИДИ ВАРІЮВАННЯ ЮРИДИЧНОЇ ЛЕКСИКИ В СУДОВИХ ПРОМОВАХ

Доу Кэюнь,
Харківський національний педагогічний університет імені Г. С. Сковороди,
вул. Блюхера, 2, м. Харків, 61168, Україна,
E-mail: sanmao@rambler.ru

Варіювання юридичної лексики досліджується в статті на матеріалі субституції лексем із значенням особи. Слідом за В.Г. Гаком та В.М. Лейчиком автор розглядає три види мовленнєвого варіювання (субституції) – морфологічний, семантичний та денотативний. В статті докладно описані різновиди семантичної субституції як основного виду варіювання юридичної лексики.

Ключові слова: *варіантність, субституція, юридична лексика, судові промови.*

THE SUBSTITUTION FORM OF LEGAL VOCABULARY IN THE LAW COURT DEFENSE STATEMENTS

Dou Keyun,
Kharkiv National Pedagogical University named after G. S. Skovoroda,
2, Blyukhera Str., 61168, Kharkiv, Ukraine,
E-mail: sanmao@rambler.ru

This article studies the Substitution phenomenon of the legal idioms in place of humans in the defense statements. On the basis of the research of V.G Gak, V.M Leichik, this article outlines 3 types of Substitution phenomena: The Substitution of Forms, Substitution of Semantics, Substitution of Signified. This paper focuses on the phenomenon of the Substitution of Semantics.

Key words*: Variation, Substitution, Legal Vocabulary, Law Court Defense Statements*

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большой юридический словарь / ред. А. Я. Сухарева – М. : Инфра-М, 2003. – 704 с.
2. Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания / В. Г. Гак, А. А. Леонтьев // Семантическая структура слова. – М.: Просвещение, 1971. – С. 83-85.
3. Гак В. Г. Субституция терминов в синтагматическом аспекте / В. Г. Гак, В. М. Лейчик // Терминология

и культура речи. – М. : Наука,1981.– С. 47-57 .
4. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко – М. : Наука, 1977. – 246 с.
5. Лихтенштейн Е. С. Редактирование научной, технической литературы и информации / Е. С. Лихтенштейн, А. И. Михайлов. – М. : Высшая школа , 1974. – 272 с.
6. Юридический словарь / ред. П. И. Кудрявцева. – Т. 2. – М. : Юридическая литература, 1956. – 663 с.

Поступила в редакцию 27 ноября 2013 г